

Бярмінскія надпісы, на сядзімацца на р. Пыяльце і сцяглыя Штреленбургскія

Пысьменні на ітэ на ільбоў стэр блізь дэреві

1
Славянская графіка

2
Славянская графіка

П.И. Мельников-Печерский

**ДОРОЖНЫЕ ЗАПИСКИ НА ПУТИ
ИЗ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
В СИБИРЬ**

Записки П.И. Мельникова XVIII в. о путешествии из Тамбовской губернии в Сибирь. Рисунок III.

Павел Мельников-Печерский
**Дорожные записки на пути из
Тамбовской губернии в Сибирь**

«Маматов»

1839–1842

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2=411.2)-46

Мельников-Печерский П. И.

Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь /
П. И. Мельников-Печерский — «Маматов», 1839–1842

ISBN 978-5-91076-181-4

Уральские очерки П. И. Мельникова-Печерского, собранные в этой книге, впервые издаются в том виде, в каком появились в журналах «Отечественные записки» (1839–1842) и «Москвитянин» (1841). Доселе самой доступной для читателя была их существенно усеченная версия, опубликованная в собрании сочинений писателя (1909, т. 7). В очерках поездок Мельникова по Пермской губернии читатель найдет первое по времени столь подробное и увлекательное описание истории, экономики, культуры и мифологии горнозаводского Прикамья, каким оно было в конце 30-х годов XIX в. Пермские очерки Мельникова интересны и как литературный дебют писателя, будущего автора романов «В лесах» и «На горах», вошедших в золотой фонд классики русской литературы.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2=411.2)-46

ISBN 978-5-91076-181-4

© Мельников-Печерский П. И., 1839–
1842

© Маматов, 1839–1842

Содержание

Предисловие	6
Статья первая	15
Конец ознакомительного фрагмента.	23

П. И. Мельников-Печерский

Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь

© Е. Г. Власова, Ф. Р. Пантелеева, составление и комментарии, 2018

© Е. Г. Власова, предисловие, редактирование, 2018

© ООО «Маматов», оформление, 2018

П. И. Мельников-Печерский

Предисловие

«Представлялись глазам нашим чудные картины...»: открытие Урала в путевых очерках П. И. Мельникова-Печерского

Перу Павла Ивановича Мельникова-Печерского (1818–1883) принадлежит одно из самых первых литературных описаний Пермской губернии, ставшее широко известным и часто цитируемым. С другой стороны, «Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь» явились первым литературным опытом писателя, принесшим ему общероссийскую известность: достаточно вспомнить о том, что опубликованы они были в самых влиятельных журналах своего времени – «Отечественных записках» и «Москвитянине».

П. И. Мельников очутился в Перми в 1838 г. при печальных обстоятельствах – практически это была ссылка из Казанского университета, где он блестяще окончил словесный факультет. Молодого выпускника, а на момент окончания университета ему исполнилось 19 лет, ждала карьера ученого: он готовился к поездке в один из европейских университетов, после которой должен был вернуться в Казань и занять место на кафедре славянских наречий. До сих пор остается неясным, что же послужило причиной ссылки. В своей автобиографии, написанной от третьего лица, писатель об этом эпизоде рассказывать не стал. В любом случае о карьере ученого Мельникову пришлось забыть. Как и все остальные казеннокоштные студенты, он получает распределение на место учителя в одну из провинциальных гимназий. Поначалу ею должна была стать гимназия в уральском Шадринске – купеческом городке, расположенном достаточно далеко от родных мест и университета: он находился в 140 километрах от Кургана, за Уральским хребтом.

В последний момент место распределения меняют на Пермь, где Мельников получает должность учителя истории и статистики в мужской гимназии. В Государственном архиве Пермского края бережно хранится список учителей Пермской мужской гимназии с записью о том, что старший учитель Павел Мельников занимает должность с 10 августа 1838 г. Среди сведений в этом списке указаны происхождение – из дворян Нижегородской губернии, возраст – 20 лет, вероисповедание – греко-российское, образование – Казанский университет, степень – кандидат¹.

Выбор истории в качестве предмета преподавания был неслучаен. В автобиографии Мельников подчеркнул свой интерес к истории, который проявился еще на гимназической скамье: «Будучи в гимназии, а потом и в университете, он посвятил себя изучению истории»². Любовь молодого преподавателя к научным занятиям заставляет его пуститься в экспедицию по Пермской губернии для изучения истории, экономики и этнографии края. «Один год, в продолжение которого собирал сведения о том крае, объехал некоторые заводы, обозревал уольские солеварни. Это было первое знакомство П. И. Мельникова с русским народом... А изучал он народ так, как должно изучать его, – “лежа у мужика на полатях, а не сидя в бархатных креслах в кабинете...”»³ – так описана пермская жизнь в автобиографии писателя. В результате этой экспедиции появляется цикл путевых очерков «Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь». Очерки были отправлены Мельниковым – ни много ни мало – в редакцию одного из самых влиятельных журналов того времени – «Отечественные записки» А. А. Краевского. И уже в ноябрьском номере 1839 г. началась их публикация. В 1841 г. другой не менее влиятельный журнал «Москвитянин» публикует фрагмент из «Дорожных записок» –

¹ Именной список чиновников и учителей пермской дирекции. За 1838 год // ГАПК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 561.

² Мельников-Печерский П. И. Автобиография П. И. Мельникова // Мельников-Печерский П. И. Собр. соч.: В 6 т. М., 1963. Т. 1. С. 319.

³ Там же.

очерк «Поездка в Кунгур». Л. Аннинский точно подмечает особую легкость первых литературных опытов писателя, который печатается «гладко с первых же попыток»⁴. Залогом такого успеха стало плодотворное сочетание актуальной для современной литературы, причем обеих ее станов – и западнического и славянофильского, темы народной жизни с особой легкостью письма, основанной на исключительном даре рассказчика. Так молодой учитель истории становится автором ведущих столичных журналов.

Исходной точкой путешествия Мельникова послужила Саровская пустынь, потом путь прошел через Арзамас и родной для Мельникова Нижний Новгород, затем через Вятку, не ставшую предметом пристального внимания, в Пермскую губернию, где основными пунктами маршрута становятся соляные промыслы и заводы. Однако тема Урала появляется уже в самом начале дорожных заметок Мельникова. Описывая грязь и лужи на улицах уездного города Ардатова, в который путешественники въехали по пути из Саровского монастыря в Арзамас, Мельников с грустью восклицает: «Словом сказать, Ардатов город, каких на матушке Святой Руси довольно количество, особливо там, в Украйне, да там, около Урала и Камы»⁵. Так обнаруживается цель путешествия и его основной замысел – рассказать о жизни российской окраины.

В переписке с А. А. Краевским Мельников определяет основную тему своих записок как изучение восточной части Европейской России. Очевидно, маршрут путешествия, проложенный писателем вдоль Волги и Камы, был связан с осмыслением роли этих мест как границы или места встречи Европейской и Азиатской России. В связи с этим становится понятным достаточно неожиданное сопоставление Перми с Китаем в финальной части «Записок»: «Пермь – настоящий русский Китай... И какое китайство в ней – удивительно! Скоро ли она выйдет из своего безжизненного оцепенения? Давай, Господи, поскорее. Что ни говорите, а ведь Пермь на матушке Святой Руси, ведь не последняя же она спица в колеснице»⁶.

В этом добродушном выговоре Перми соединились два принципиальных для идейного содержания «Записок» ментальных топонима – русский Китай и Святая Русь. Оценка Урала как восточного рубежа Европейской России строится Мельниковым на странном переплетении этих историко-культурных пространств. С одной стороны, Урал для Мельникова-Печерского – это заповедное место, где сохранился «русский дух в его неподдельной простоте», с другой – непонятное, отличное от всего, что приходилось видеть раньше, пространство, населенное очень «странными людьми».

Внутренний конфликт ожиданий и реальности, ускользающей от определения, на наш взгляд, составляет основной сюжетобразующий ход «Записок». Мельников хотел увидеть на Урале оплот старинного русского духа, а увидел нечто странное, непонятное, не совпадающее с привычными бытовыми и культурными представлениями. Знакомство Мельникова с Уралом было построено на узнавании Другого, это была поездка в чужеземный край.

Подобный подход к описанию восточных окраин, присоединенных в ходе российской колонизации, был характерен для большинства дорожных отчетов того времени. Сопоставляя путевые записки начала XIX в. по принципу географического размещения маршрутов, Н. В. Иванова приходит к следующим выводам: «Позиция путешественника, основанная на генетически сложившейся жанровой парадигме “свой – чужой” мир, существенно не изменяется независимо от того, находится ли он в европейской стране, палестинских землях, на Кавказе или в Сибири. Как это ни парадоксально, но “свой мир” – неизведанная Сибирь, первозданная природа Кавказа – оказывался столь же чуждым культурному уровню русского путешествен-

⁴ Аннинский Л. А. Три еретика. Повести о А. Ф. Писемском, П. И. Мельникове-Печерском, Н. С. Лескове. М., 1988. С. 148.

⁵ Мельников П. Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь. Статья первая // Отеч. записки. 1839. Т. VI. С. 65. *Далее ссылки на источник даются в сокращении. – Прим. ред.*

⁶ Дорож. записки... Ст. десятая // Отеч. записки. 1842. Т. XXI. С. 15.

ника первой трети XIX в., что и Европа»⁷. Учитывая трудности процесса экономического и культурного освоения названных территорий, в том числе и Урала, особой парадоксальности в этом подходе к описанию российских окраин нет.

Ситуация внутренней колонизации, сложившаяся на Урале, а также географическая обособленность региона предопределили особую напряженность процесса его ассимиляции в общероссийское пространство. Перед путешественниками XIX в. стояла непростая геокультурная задача – описать Урал как русский регион при очевидной его непохожести на внутренние губернии России. Действительно, и сами уральцы чувствовали себя наособицу. Мельников об этом говорит специально, цитируя принятые между пермяками выражения: «...здесь, на распутии Европейской России с Сибирью, наши губернии зовутся не иначе, как “Россия”; “я буду писать в Россию” – подобные фразы вы услышите беспрестанно от жителей Пермской губернии»⁸.

Главная причина уральской автономии заключалась в особом укладе экономики, которая была подчинена работе горных заводов. Заводы являлись главной достопримечательностью Урала. Однако понимание самобытности уральской горнозаводской цивилизации приходит в русскую культуру далеко не сразу. Долгое время местный уклад жизни воспринимался путешественниками как чужеродный, экзотический. Понадобилось время для перехода от внешнего, отстраненного восприятия к подлинному пониманию уральской самобытности. «Записки» Мельникова-Печерского, несмотря на заинтересованность автора и общую его благожелательность к предмету изучения, оказались в самом начале этого пути. Ситуация существенно изменилась только в 1880-х гг. благодаря публикации путевых очерков В. И. Немировича-Данченко «Кама и Урал» («Дело», «Русская речь», «Исторический вестник», 1877–1884) и Д. Н. Мамина-Сибиряка «От Урала до Москвы» («Русские ведомости», 1881–1882).

«Записки» Мельникова представляют собой пример активного сопоставления пространства путешествия с привычным геокультурным опытом – в данном случае с волжским укладом жизни, который идентифицируется писателем с общерусским. Горный пейзаж Урала описывается Мельниковым-Печерским в сопоставлении с более привычным равнинным пейзажем, горнозаводской уклад жизни – с крестьянским, уровень экономики и культуры исчисляется мерками приволжской деловой активности.

Так, самый эмоциональный отклик Мельникова-Печерского об уральском пейзаже связан с долиной реки Обвы, напоминающей путешественнику родные места:

Низменными, зеленым ковром зелени покрытыми берегами Обвы ехали мы в это прелестное шольское утро. Как живописны берега этой Обвы! Какие пленительные ландшафты представлялись со всех сторон глазам нашим! Смотря на них, любясь ими, я не видал более пред собой суровой Перми; мне казалось, что я там, далеко – на юге. <...> Леса нет, горизонт широко раскинулся. Обва тихо, неприметно катит струи свои. Это не уральская река: она не шумит тулунами, не мутится серым песком, не перекачивает на дне своем цветных галек; тихо, безмятежно извивается она по зеленым полям и медленно несет свои светлые струи в широкую, быструю, угрюмую Каму⁹.

С другой стороны, типично уральский пейзаж рисуется Мельниковым в напряженных тонах, вызванных внутренним дискомфортом путешественника и чувством опасности:

⁷ Иванова Н. В. Жанр путевых записок в русской литературе первой трети XIX века: дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. С. 203.

⁸ Дорож. записки... Ст. третья // Отеч. записки. 1840. Т. IX. С. 3.

⁹ Дорож. записки... Ст. восьмая // Отеч. записки. 1841. Т. XVIII. С. 1–2.

Мы иногда любовались живописными окрестностями; говорю «иногда», потому что дорога большею частью шла лесом и беспрестанно то поднималась в гору, то опять опускалась с нее. Но где только перемежался лес, там представлялись глазам нашим чудные картины. Совсем отличные от тех, которые мы видели в России¹⁰.

Направо Кама серебрится вдали; возвышенный правый берег ее зеленою полосой отделяет воду от небосклона; ближе – белая, высокая Лунежская гора; огромные камни ее висят под ложбиною и, кажется, ежеминутно угрожают падением; между этими камнями лепятся березки и елки, вершина горы опушена кудрявыми соснами. Прямо перед вами пустынный лес, состоящий из сосны, ели, пихты, лиственницы и других хвойных деревьев; редко-редко встретится молоденькая береза или трепещущая осина, одиноко, как сирота, растущая между чуждыми ей деревьями. Мы ехали этим лесом, то поднимаясь на возвышенности, то спускаясь с них; наконец лес начал перемежаться, и мы поехали местами низкими, сырыми, грязными¹¹.

Радостное настроение возвращается к путешественнику при встрече с привычным укладом жизни: «По берегам Обвы жители занимаются и хлебопашеством довольно успешно, и потому здесь редко покупается сарапульский хлеб, которым снабжается северная часть Пермской губернии...»¹² При этом писатель подчеркивает отличие местной жизни от специфически уральской: «Горных работ здесь нет, и потому-то здешние страны имеют свою особенную физиономию; здесь народ богаче, здоровее, воздух чище, самая природа смотрит как-то веселее. Так и должно быть...»¹³

Получается, «домашний» опыт путешественника определяет ракурс описания и оценки. Обвинские пейзажи подобны поволжским, и потому жизнь уральских крестьян описывается Мельниковым с заметным эмоциональным подъемом. «Горные работы», хоть и занимают большую часть очерков, подаются в форме сухого экономического отчета. Вот, например, описание Пожевского завода – одного из самых успешных уральских заводов, родины множества уральских изобретений:

В этом заводе находится одна доменная печь и семь кричных горнов. Руда привозится из Кизеловских дач весною, в то время как Яйва разливается, а известь с Лунежских гор, находящихся, как я уже говорил, около Полазненского завода. Расстояние до Кизеловских дач 140 верст, а до Лунежской горы 120. Известь возят летом Камою. Выпуск чугуна бывает два раза в сутки, каждый раз выпускается до 300 пудов. Для каждого выпуска потребно сорок коробов, или сто шестьдесят малёнок, угля. На Пожевском заводе ежегодно добывается чугуна более 100 000 пудов, а железа 85 000. Для производства железоделательных работ устроена паровая машина в 36 сил, и в то время, как мы были на этом заводе, устраивали еще другую в 12 сил. К заводу этому принадлежит 114 000 десятин земли и 2000 душ крестьян¹⁴.

Подробное описание, включающее характеристику технологий, продукции, инфраструктуры, нередко сопровождающееся таблицами и статистическими сведениями, обладая важнейшим историко-культурным значением, тем не менее выглядит в тексте очерков достаточно

¹⁰ Дорож. записки... Ст. третья // Отеч. записки. 1840. Т. IX. С. 3.

¹¹ Там же. С. 48.

¹² Дорож. записки... Ст. восьмая // Отеч. записки. 1841. Т. XVIII. С. 3.

¹³ Дорож. записки... Ст. пятая // Отеч. записки. 1840. Т. XII. С. 62.

¹⁴ Там же.

тяжеловесно. Даже с учетом того, что подобное соединение научного и очеркового повествований было привычным для дорожных отчетов начала XIX в., экономические отступления Мельникова могут претендовать на самые объемные и наукообразные. Думается, что подобная отстраненность автора от предмета изображения усиливалась отсутствием литературной традиции описания горных заводов. Источники, на которые ориентировался Мельников, представляли собой отчеты о научных экспедициях (В. Н. Татищев, И. И. Лепёхин, П. И. Рычков, В. Н. Берх и др.) и справочные обзоры (например, «Хозяйственное описание Пермской губернии» Н. С. Попова), составлявшие основу уральской историографии. Обращаясь к теме горных заводов, Мельников попадал в русло сложившейся традиции их описания.

Тяга Мельникова к статистике и подробнейшему перечислению всех производственных нюансов кажется попыткой запечатлеть то, что ускользает от понимания, то, что сложно объяснить. Поэтому начинающий литератор прибегает к жанру словарного описания: его обстоятельнейшие перечни заводских реалий и процессов попадают в ряд других словарей, которыми очерки изобилуют, – это словарь коми-пермяцкого языка и подробные списки уральских рек и чудских городищ.

Если в отношении горных заводов эмоциональный нейтралитет Мельникова мог быть связан с отсутствием литературной традиции их описания, то в изображении Камы со всей очевидностью проявляется конфликт идентичностей. Образ главной уральской реки строится на неблагоприятном для нее сравнении с любимой Волгой:

Кроме этих лодочек, ничего нет на Каме: река совершенно пуста; это не то, что на Волге, где круглое лето одно судно перегоняет другое и дощаники беспрестанно ходят то вверх, то вниз. Судходство по Каме бывает по временам. <...> В другое время вы не увидите жизни на Каме, она вам представляется совершенно пустынною рекою¹⁵.

Камские пейзажи, которые в основном появляются в главе, посвященной Перми, соответствуют образу пустого и неподвижного пространства, не вызывающего у путешественника какого-либо сочувствия. Описывая пермскую набережную, писатель замечает, что разгрузка чая и соли лишь на время оживляет ее, «в другое время безжизненную и совершенно пустую»¹⁶. Также совершенно пусты пристань и Кама, на которую можно смотреть «хоть целый день» и не увидеть ничего, «кроме рыбачьих лодок»¹⁷.

Уже не раз отмечалось, что именно в «Записках» Мельникова началось формирование образа Перми как пустого и выморочного города. Этот образ закрепился в русской литературе XIX в. во многом благодаря хлестким характеристикам начинающего литератора. В описаниях Перми становится очевидным, что слова «пустота» и «пустынность», которые в изобилии используются Мельниковым при характеристике уральского пейзажа, носят негативный характер и связаны со значениями безжизненности, мертвенности:

С первого взгляда Пермь представляется городом обширным; но как скоро вы въедете во внутренность ее, увидите какую-то мертвенную пустоту. Только на одной улице вы найдете еще кое-какое движение, кое-какую жизнь – именно на той, по которой расположены постоянные дворы. На всех других круглый год тишина патриархальная, нарушаемая только несносным треском бумажных змейков, которые стаями парят над городом¹⁸.

¹⁵ Дорож. записки... Ст. третья // Отеч. записки. 1840. Т. IX. С. 5.

¹⁶ Там же. С. 9.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Дорож. записки... Ст. десятая // Отеч. записки. 1842. Т. XXI. С. 1.

В негативных тонах подает Мельников и тему кержачества, которая всегда была важной частью уральской идентичности.

Но когда некоторые закоренелые изуверы не только что не слушали увещаний Питирима, но еще старались увеличить как можно более число своих единомышленников, тогда Петр Великий принужден был сослать некоторых керженских раскольников в Сибирь и Пермскую губернию. Но в числе этих сосланных был лжеучитель их Власов. Он и клеветы его рассеяли гибельные семена раскола по Сибири и по Пермской губернии. Петр Великий в бытность свою в Астрахани отменил приказание это, узнав о следствиях, и повелел раскольников керженских впредь ссылатъ в Рогервик. Но зло, занесенное в Сибирь, развилось и только в нынешнее время почти кончилось¹⁹.

Очевидно, что молодой историк мыслит в русле официальной государственной идеологии. Понимание раскола как одного из значительных явлений русской культуры придет к писателю со временем, в результате формирования широкого, художественного взгляда на исторические и общественные процессы.

Образ Другого в «Записках» Мельникова-Печерского строится на описании не столько местных инородцев, которое, кстати, не лишено романтического ореола («дикий сын дикой пустыни»), сколько специфического заводского населения. С осторожностью Мельников нащупывает определения для его характеристики, среди них наиболее частотные – «странные» люди, «чужда Пермия»... Ожидаемую симпатию вызывают только местные крестьяне и старинные предания, обращенные к героическому прошлому: «Надобно тому пожить в Сибири или в Пермской губернии, кто хочет узнать русский дух в неподдельной простоте. Здесь все – и образ жизни, и предания, и обряды – носит на себе отпечаток глубокой старины»²⁰.

Не понимая до конца современную жизнь горнозаводского Прикамья, Мельников с увлечением пишет о пермских древностях. Исторический вектор уральского ландшафта выстраивается писателем с огромной заинтересованностью и становится одним из самых ярких сюжетов «Записок».

Как профессиональный историк, подробно и обстоятельно, ссылаясь на многочисленные источники, в том числе свидетельства европейских и арабских путешественников, а также внимательно исследуя археологические находки, Мельников рассказывает об истории древней Биармии – просвещенного государства, которое существовало на территории Северного Урала и вело активную торговлю со своими соседями – волжскими булгарами, скандинавами и новгородцами. Не вступая в открытый спор с Берхом, который уже подверг критике биармийский сюжет уральской истории, Мельников старается опереться на известные факты: «Вместо того, чтобы говорить положительно о неведомой истории народа загадочного, мы лучше покажем здесь, во-первых, пути торговли Биармийцев, во-вторых, определим их образование, и, наконец, скажем о памятниках их, оставшихся до сих пор в Пермской губернии»²¹.

Главными свидетельствами существования Биармии Мельников считает многочисленные чудские городища, подробное перечисление которых заканчивает одну из частей «Записок». Тем самым Мельников примыкает к тем исследователям, которые говорили о единстве уральской чуди и Биармии, чьими потомками являются проживающие на территории современного Урала финно-угорские народы – коми-пермяки, зыряне, вогулы и остяки. Из всех перечисленных народов в «Записках» Мельникова представлены только коми-пермяки. Правда, развернутого этнографического очерка не случается. Главный интерес исследователя

¹⁹ Дорож. записки... Ст. девятая // Отеч. записки. 1842. Т. XX. С. 54.

²⁰ Дорож. записки... Ст. третья // Отеч. записки. 1840. Т. IX. С. 2.

²¹ Дорож. записки... Ст. восьмая // Отеч. записки. 1841. Т. XVIII. С. 6.

скорее фольклористский и лингвистический: он приводит тексты песен и сказок, собранных во время путешествия, а также обширный словарь бытовой и топонимической лексики. Собственно, и общую характеристику народа он дает с опорой на лингвистическое наблюдение:

*Умственное развитие у этого народа невысокое: они даже не умеют читать. Есть у них своя поэзия, которой образчики видели читатели, – поэзия безыскусственная, грубая, или, лучше сказать, такая же незамысловатая, как и самая жизнь пермяков. В ней не выражается высоких чувств, да они не знают их; посмотрите, у них даже нет слова «любить»...*²²

Понимая историческую важность темы Биармии для Урала и Российского государства в целом, Мельников эмоционально взывает к русским пермякам: «Неприменно надобно исследовать пермские городища и замечательные урочища. Это разлило бы большой свет на загадочную Биармию!»²³

Другим важнейшим сюжетом уральской истории в «Записках» Мельникова становится рассказ о «ермаковом оружии». Уже в первом очерке, посвященном Пермской губернии, Мельников останавливается на повсеместной популярности Ермака:

*Надобно заметить, что Ермак живет в памяти жителей Пермской губернии; много преданий и песен о нем сохранилось до сих пор. В селах и деревнях у всякого зажиточного крестьянина, у всякого священника вы встретите портрет Ермака, рисованный большею частью на железе. Ермак изображается на этих портретах в кольчуге, иногда в шишаке, с золотой медалью на груди*²⁴.

Используя для представления этой темы образ оружия, Мельников связывает в один смысловой узел несколько ключевых для уральской истории тем:

*Приписывая своему герою чудесные деяния, сибиряки хотят освятить его именем всякую старинную вещь, и потому каждый из них, имеющий у себя старинную пицаль или какое-нибудь другое оружие, называет его ермаковым и готов пожертвовать всем, чем вам угодно, чтобы только уверить вас, что ружье, валяющееся у него в пыли, было прежде в руках Ермака, или, по крайней мере, у кого-нибудь из его сподвижников. Таким образом, 3 пицали, которые я видел в Кунгуре у купцов Пиликиных, выдаются тоже за ермаковы. Я не думаю даже, чтобы это оружие можно было отнести и к началу XVII века, – разве к концу его. Вероятно, оно было прежде в острожках и крепостях, во множестве находившихся в Пермской губернии для защиты от набегов башикирцев*²⁵.

«Ермаково оружие» становится символом русской колонизации, актуализируя память о военном противостоянии русских и коренного населения Урала. Образ ермакова оружия будет подхвачен в травелогах первой половины XIX в., в частности П. И. Небольсиным, что лишний раз подтверждает его значимость для уральского ландшафта.

Создавая галерею уральских «героев», Мельников не мог пройти мимо имени Емельяна Пугачева, которое было живо в местной памяти. Начиная рассказ о противостоянии Кунгура пугачевским «мятежникам», Мельников пишет: «До сих пор сохраняется много преданий о страшном Пугачеве и его помощнике Белобородове, до сих пор старики со вздохом вспоми-

²² Дорож. записки... Ст. шестая // Отеч. записки. 1840. Т. XIII. С. 91.

²³ Дорож. записки... Ст. восьмая // Отеч. записки. 1841. Т. XVIII. С. 4.

²⁴ Дорож. записки... Ст. третья // Отеч. записки. 1840. Т. IX. С. 41.

²⁵ Там же.

нают ужасное время злодейств. Год возмущения сделался какой-то эрой в здешнем крае: старики обыкновенно говорят “я родился за столько-то лет до Пугачева года, это было в самый Пугачев год”»²⁶. По свидетельству путешественника, во время ежегодного молебна и крестного хода «в воспоминание избавления Кунгура от мятежников» «носят и то знамя, с которым ратовали кунгуряки и жители Юговского завода против мятежников...»²⁷. Обращаясь к этому эпизоду пугачевского бунта, Мельников отмечает: «Здесь я изложил подробно действия против мятежников около Кунгура более потому, что А. С. Пушкин совершенно почти не говорит о них»²⁸. Ссылка на Пушкина как раз говорит о многом: о том, что Мельников занимался изучением истории пугачевского бунта, что он попытался продолжить работу Пушкина, но и не был с ним полностью солидарен. В отличие от Пушкина, который при написании «Истории пугачевского бунта» «старался в нем исследовать военные тогдашние действия и думал только о ясном их изложении»²⁹, Мельников усиливает негативные оценки бунтовщиков, опираясь на «страшную» память жителей Кунгура. Действительно, уральские заводы не поддержали бунта Пугачева. Однако, отразив эти настроения, Мельников не почувствовал их локальной специфики, связанной с тем, что для уральцев пугачевская осада совпала с угрозой башкирских набегов, от которых приходилось обороняться на протяжении всей истории освоения Урала.

Заметно, что обращение Мельникова к недавней истории Урала было ограничено рамками официальной государственной позиции и, наверное, поэтому не стало таким вдохновенным, как воображение Биармии. Тема Биармии была свободна от политических и стилевых установок и давала простор для верификации. Кроме того, можно предположить, что интерес Мельникова к биармийской теме стал результатом общелитературного влияния романтической традиции, опиравшейся на поэтизацию прошлого и особый интерес к мифу.

«Записки» Мельникова-Печерского тяготеют к разновидности экзотических путешествий: наиболее яркими оказываются страницы, посвященные историческому прошлому и национальной экзотике. В сочетании с фельетонными характеристиками провинциальных нравов пермского общества и рождается образ «русского Китая», которым путешественник заканчивает свои очерки.

Тем не менее нельзя забывать, что в очерках Мельникова происходит литературное открытие Урала, начинается поиск художественных подходов к его описанию. Одним из главных достижений Мельникова в этом отношении можно считать открытие уральского пейзажа, попытка отобразить в слове его особый напряженный колорит.

*Смерклось. В воздухе тихо. Кама ровна, гладка, как стекло.
Противоположный берег, покрытый пирамидальными соснами, отражаясь
в воде, придавал поверхности реки вид огромного полированного малахита.
В сумраке нельзя было различить границу между лесом настоящим
и отражавшимся в воде: все сливалось в одну темно-зеленую массу;
и этот берег, постепенно возвышавшийся с его видимой на реке половиной,
представлялся одним громадным листом исполинского дерева.*

В этой зарисовке писателю удалось найти выразительные образы, которые, помимо своей живописности, оказываются глубоко символическими: они связывают увиденный пейзаж с общими значениями уральского ландшафта. Малахит отсылает нас к семантике уральских недр и подземелий, а громадный лист исполинского дерева – к образам древнего Пермского

²⁶ Мельников П. Поездка в Кунгур (из «Дорожных записок») // Москвитянин. 1841. Ч. 3. № 5. С. 272.

²⁷ Там же. С. 275.

²⁸ Там же.

²⁹ Пушкин А. С. Письмо В. Д. Вольховскому от 22 июля 1835 г. Из Петербурга в Тифлис // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л., 1979. Т. 10. С. 442.

моря, отзывающимся в уральском пространстве то в виде костей древних животных – «чертовых пальцев», то в виде отпечатков необычных растений на уральских камнях.

Противоречивая оценка Урала, представленная в очерках Мельникова, несколько не умаляет их значения для русской литературы. Начиная очеркист попытался не только подробно описать Уральский край, но и создать его живой образ, в основе которого лежит настоящее желание разгадки, узнавания этого древнего, сурового и загадочного места.

В подготовке текста П. И. Мельникова-Печерского к публикации приняли участие к. ф. н., старший преподаватель кафедры журналистики и массовых коммуникаций ПГНИУ З. С. Антипина, инженер Лаборатории политики культурного наследия ПГНИУ М. Г. Артёмова, а также магистранты кафедры журналистики и массовых коммуникаций В. С. Бычина и Э. В. Нечаева. Большую благодарность за помощь в подготовке книги выражаем д. ф. н., профессору, зав. кафедрой журналистики и массовых коммуникаций В. В. Абашеву, директору издательства «Маматов» И. Ю. Маматову, к. пед. н., старшему научному сотруднику Российской национальной библиотеки Д. К. Равинскому.

Текст «Дорожных записок» приведен в соответствие с нормами современной орфографии. Пунктуация в основном сохранена, редактировались только случаи, затрудняющие восприятие текста. Приведены в соответствие с современным написанием отдельные топонимы. Каждый случай изменения был отмечен в комментариях, которые сопровождают издание.

Е. Г. Власова

Статья первая

Саровская пустынь. – Илевский завод. – Мордва. – Ардатов. – Липня. – Выездное. – Арзамас. – Дорога к Нижнему. – Постоялый двор. – Анкудиновка

Мы приехали в Бутаково³⁰. Как живописны окрестности этого села! Вдали на севере тянется черною полосой лес, отрасль лесов муромских, славных своим Соловьем-разбойником и сильным могучим богатырем Ильею. Как звездочки, блестят на этой полосе куполы Саровской пустыни; а там, где лес сливается с отдаленностью, белеется церковь Сарминского Майдана. На обширной равнине, между этим лесом и возвышенностью, на которой расположено Бутаково, разбросаны кучами деревни и хуторы – они так хорошо рисуются на золотом поле богатой нивы. Направо Мокша ленточкой вьется по полям, между дубовыми рощицами и деревьями, налево отлогая возвышенность, покрытая пашнями; дальше виднеются колокольни и две-три минары мусульманские. Экипаж наш изломался (уверяю вас, что это не вседневная фраза каждого романиста и путешественника), его надобно было починить, но где остановиться? Гостиниц у нас в селах, как известно всем и каждому порознь, не состоит в наличности, постоялого двора в Бутакове не случилось: нечего делать, принуждены были отправиться к помещику. Обдумывая деревенские комплименты и надеясь на русское гостеприимство, еще не изгнанное из деревень французскими диковинками, мы вошли в дом К. Д. Радужный прием, сытный обед, деревенская непринужденность и милая дочь хозяина заставили нас забыть всю неприятность остановки; после обеда явился на стол сотовый мед, настоящий тамбовский десерт, гербовый. Из разговоров за обедом я узнал, что при выезде из Бутакова стоит памятник времен татарских; разговорчивый Д. наскзал мне Бог знает какую историю об этом памятнике и уверял меня изо всех сил, что на месте его похоронен если не сам Чингисхан, то, по крайней мере, важный татарский человек. Как не взглянуть на такой памятник! Я тотчас же попросил его показать мне этот важный остаток древности. «Хорошо, я покажу вам его, только наперед вам скажу, что вы не разберете надписей, которые на нем находятся. Много проезжающих, – продолжал Д., – смотрели на него, да посмотрят-посмотрят, а все толка нет. Говорят, надписи эти на каком-то неизвестном языке». Это еще больше подстрекнуло мое любопытство: тотчас после обеда мы отправились.

Татарский камень (так обыкновенно зовут этот памятник) есть не что иное, как могильная плита из белого камня, поставленная стоймя, аршина два вышиною. С одной стороны, между арабесками, вырезан большой параллелограмм, на котором заметны полусоскобленные слова, вырезанные татарской вязью. Местные жители приписывают камню целебную силу от зубной боли и соскабливают слова без всякого уважения к старине. В параллелограмме можно разобрать только одно татарское слово (бутакуф), которое, быть может, относится к селу. На другой стороне, обращенной к кебле³¹, уцелели выражения из Корана с обычным «калат» (сказал)³² и внизу число года девятьсот семьдесят два, что значит по-нашему 1564 год. Имени похороненного я не нашел, к большому удовольствию Д.

Мне хотелось от местных татар узнать что-нибудь об этом камне (в Бутакове есть семей шесть татарских). Я тотчас же отправился к одному старику, с полною надеждою узнать от него какое-нибудь предание. Вошедши в дом правоверного, я сказал старику правоверный «селям», но, представьте мое удивление, этот потомок наших старинных врагов, этот до сих пор усердный поклонник Аллаха и печати пророков прекрасным, чистым тамбовским языком отвечал

³⁰ Село Тамбовской губернии, Темниковского уезда, в 39 верстах от уездного города.

³¹ Место Мекки, юго-запад.

³² На могильных камнях мусульманских выражения из Корана часто начинаются этим словом; здесь подразумевается слово «ресул» – «ресул калат», значит «пророк сказал».

мне, что у них, кроме муллы да жен, никто не знает по-татарски. Так переродилось небольшое число инородцев в этом уголке Тамбовской губернии. Вера или, лучше сказать, поверья у них сохранились, а все прочее, даже самый язык, самый быт их – все русское. Знакомец мой Абдуллаг-бен-Нехак, или, как он называл себя, Федул Исакыч, твердо уверен, что Мухаммед был не больше как казанский купец. Он и все здешние татары имеют особенное почтение к Казани; у них хранится еще предание о былой их силе, и странно – есть даже поверье о золотом шаре на Сююмбекиной башне в Казани³³. О памятнике ничего не узнал от Федула: узнал только, что он слышал от своего деда о том, что на месте Бутакова был татарский город. Он показал мне остатки его – ров, который находится недалеко от камня. Весною здесь вода вымывает из земли монеты и мелкие металлические вещи, некоторые из них находятся у меня, все они относятся к XIV и XV столетиям, на некоторых видны имена Тухтамышы, Невруза и других ханов. Странно, однако, что там найдена была одна монета с шиитской надписью, которая приписывается династии Сефевидов и относится уже к XVI веку. Неужели и в то время были здесь в обращении монеты восточные, и притом еще персидские?

Уже поздним вечером выехали мы из Бутакова, располагаясь быть на рассвете в Саровской пустыни у заутрени. Ночь была лунная, светлая, когда мы, проезжая через несколько селений, приближались к лесу. Дорога спускалась по большой отлогости, и чем мы ехали дальше, тем места становились скучнее, однообразнее. Я уже прощался мысленно с югом и с его природой, потому что лес, из которого обдавало каким-то холодом, не предвещал доброго. В самом деле, этот лес резко отделяет юг от севера: за ним уже не встретите той роскоши природы, которую видели на юге; правда, найдете места, которые напомнят вам отдаленную сторону, но найдете мало: они встретятся, может быть, на пространстве ста верст не менее. Но, впрочем, и там есть свои прелести, природа везде чем-нибудь да богата.

Лес, густые испарения и каменный столб на берегу Сармы с ульем и оленем показали нам, что мы приехали в Нижегородскую губернию. Вскоре мы поворотили вправо, опять выехали в Тамбовскую губернию и на самом рассвете были в Сарове. На монастырском дворе, кроме двух-трех прислужников, не было ни одного человека: пустыня, казалось, в самом деле опустела. Издалека несло к нам протяжное пение – всенощная служба еще не кончилась. Мы вошли в церковь: множество народа, все в глубоком молчании, только один престарелый монах с каким-то чувством религиозной грусти читает паремии. Служба в Саровской пустыни продолжительна, напев особенный, протяжный, величественный. Особенно хорошо поют «Слава в вышних Богу», когда все предстоящие стоят на коленях в благоговейном безмолвии. Чувство благоговения невольно овладеет человеком при таком зрелище. Если Буркгард был поражен молитвою нескольких тысяч мусульман в Каабе, то каким чувством должна наполниться душа христианина при виде этого благочестивого обряда?

Заутрени кончилась, и в то время как нам отводили комнаты и переносили из экипажа вещи, я отправился осмотреть монастырь. Он расположен при речках Сатисе и Сарове; кругом его дремучий лес; монастырские строения каменные и обнесены каменной стеной; церкви великолепны. Над всем монастырем возвышается огромная колокольня (вышиною 42 сажени, как мне сказывали), которая далеко видна и за лесом. Я пришел в отведенную нам комнату; с нами остался один монах лет пятидесяти пяти, почтенной наружности; его лицо показывало, что он достойный служитель алтаря Божия. Его звали отец Антоний. После расспросов и рассказов о моем путешествии речь зашла о пустыни.

«Пустыня наша, – говорил отец Антоний, – основана еще в 1705 году иноком Исаакием из Арзамаса на месте бывшего татарского города Сараклыч. Там за монастырем вы увидите остатки глубоких рвов этого города. Но в том виде, в каком вы теперь нашли Саровскую обитель, она устроена позже: особенно украсилась она во времена императрицы Екатерины II и

³³ Об этом предании будет сказано в своем месте.

в последнее царствование. У нас заведена вот эта гостиница для всех приезжающих на поклонение святыне Господней, и за трехдневное продовольствие поклонников и их лошадей мы ничего не берем. Есть и больница, как для братьев, так и для больных странников. Да, – прибавил он, – монастырем нашим оживляется несколько этот пустынный край. Сюда приезжает много поклонников, особливо в престольный праздник большой церкви. Тогда их бывает до двух и до трех тысяч; прежде было еще больше: года с четыре тому назад в нашей пустыни скончался великий сподвижник отец Серафим; его святая жизнь, его отеческие напутствования привлекали очень многих в наш монастырь. Теперь число поклонников значительно уменьшилось».

Отец Антоний долго рассказывал нам о жизни и трудах отошедшего брата, и время незаметно прошло; ударили в колокол, и мы отправились к поздней обедне в церковь Успения Богородицы. Дорогой отец Антоний показывал мне келью, в которой прежде подвизался и потом отошел в вечность отец Серафим. Я не видал этого старца, но после видал его портреты – в Нижегородской губернии их много. Судя по этим портретам, из лица отца Серафима можно было видеть его чистую христианскую душу, его строгую жизнь и смирение.

Церковь Успения великолепна и богата; в ней, в числе местных образов, показали мне образ св. Девы Марии, принесенный в дар царевною Мариею, сестрою Петра Великого, в 1711 году; после он украшен великолепною ризою. Кроме церкви Успения, в Сарове замечательна церковь св. Печерских, устроенная в пещерах, в которых, говорят, укрывались монахи в смутные времена мордовских набегов. В этой церкви весь иконостас сделан из железа.

После обедни мы снова отправились в путь, въехали в Нижегородскую губернию и поворотили на Илевский завод. Он так же, как и заводы Гусевский (во Владимирской губернии) и Вознесенский (в Тамбовской), принадлежит г. Баташеву, бывшему владельцу Выксунского завода. Железная руда, в большом количестве находящаяся в этом краю, привозится сперва на Малый Илевский завод, находящийся в полутора верст от большого завода: там она перерабатывается в чугун; а на большом делают железные полосы. Во время нашего проезда, не знаю почему, работ на заводе не было, говорили, будто поправляли домну³⁴, поэтому мне не удалось быть внутри завода. Дома мастеровых велики и поместительны; они выстроены владельцами завода, и даже всякая поправка в домах делается за их счет.

Дорога от Илевского завода к городу Ардатову пятнадцать верст идет лесом; миновав этот лес, мы опять очутились на равнине, усеянной холмами, деревнями и покрытой нивами. Все это напоминало нам давно покинутый нами юг, но только напомнило: забыть себя, вообразить себя в отдаленном краю было уже нельзя. Природа здешняя кажется как бы утомленною, и вместо всей роскоши юга заметно на всяком шагу что-то сумрачное, вялое, отзывающееся севером. Прежде природа, по мере нашего приближения к северу, менялась постепенно, можно сказать, незаметно, но этот оставленный нами лес резко разделяет два края: перемена так чувствительна, что и самый сонный наблюдатель легко заметит ее. Дальше на севере все будет производить новые впечатления: природа, если не будет роскошна, то, по крайней мере, разнообразна; в других местах искусство заменит ее, и наблюдатель, если не встретит ее игривою, роскошною, великолепною, то найдет на каждом шагу или обломок старины, или действия промышленности. А здесь, на распутии юга с севером, никакое место не напомнит о былом; промышленности не видно, а природа скучна, скучнее эклог Сумарокова и пермской зимы: она силится стать вровень с тамбовской своей соседкой, но холодное дыхание севера заставляет ее призадуматься, а она ведь так сильна, что бедного человека как-тут утащит по своей дороге. В самом деле, как сильно влияние ее на человека! Он, хотя и гордится своею волею непобедимой, хотя и зовет себя царем природы, а сам не в состоянии и подумать противиться ее влечениям. Невольно вспомнишь Деппинга: «Пески Аравии сделали бедуина разбойником; моря пустынь».

³⁴ Плавильная печь.

ной Скандинавии сделали норманна пиратом». А что сделали со своими обитателями эти скучные полусонные поля, по которым я имел честь тащиться шагом, по песчаной дороге в самый жаркий, несносный полдень? Кого образовали они из своих сынов, из своих питомцев? Неуклюжего и скучного мордвина, который, сидя на козлах, покачивался, лениво помахивал плетью и по временам затягивал какую-то бессвязную песню. Дорогой изредка попадались нам то одичалая яблоня, то груда кирпичей, то заросшая крапивой яма – верные признаки бывшего жилья. Я перебегал памятью всю историю этого края, хватался за каждый факт в надежде вспомнить какой-нибудь город, стоявший на этом месте. Но, утомленный бесполезною ловлею фактов неведом памяти, я бросил эту скучную работу. Думая, однако, что узнаю что-нибудь от мордвина, я обратился к нему с вопросом. Самое глупое «не знаю» и самая бессмысленная мордовская мелодия были ответом на мои слова. Прошло минут пять, и я, утомленный жаром и песнями, хотел уже уснуть, как вдруг мой певец оборотился и с глупой улыбкой какого-то самодовольствия закричал во все горло: «Село было, барин».

– Какое село?

– А цево спрашивать-то изволил, село Кавресь было та-мой.

«Славный чичероне!» – подумал я. Он через четверть часа почти удостоил меня своим ответом. Славное и открытие! Стоило и голову ломать над такими пустяками! Впрочем, я ли первый пью воду миража? Как часто многие в пустой вещи думают найти Бог знает что такое и, рассматривая какой-нибудь камешек, какую-нибудь денежку, прельщаются мыслью, что сделали открытие важнее коломбова. Бедные антикварианты! Как часто вы вместо шлема Мухаммедова находите крышку с правоверного пилана! «Давно ли тут было село?» – спросил я расшевелившегося мордвина. Но я еще хлебнул сухой водицы: то же «не знаю», та же мелодия были ответом на мой вопрос.

Впрочем, эти мордва добрый народ, хотя с первого взгляда они и покажутся всякому странными по их молчаливости, неразвязности и полурусскому наречию. Они составляют более чем одну восьмую часть всего народонаселения Нижегородской губернии, впрочем, число их заметно уменьшается, может быть, потому что они нечувствительно смешиваются с русскими, от которых мордвина можно только отличить по платью и по выговору. Мордвины разделяются на два племени – эрзя и мокша; в Нижегородской губернии живет только первое, которое, по их преданиям, сперва было и многочисленнее и сильнее мокши. Этот народ, за 200 лет пред тем еще буйный, еще напоминавший русским времена Аранши и Пургаса и часто прекращавший всякие сношения в этом крае, теперь самый тихий и смирный народ³⁵. Нигде, кажется, так не редки преступления, как между мордвинами, убийств у них почти никогда не бывает. Они совершенно свыклись с оседлостью, сделались хорошими подчиненными и вместе с этим, имея самые тесные связи с русскими, сделались самым образованным племенем из всех финских племен, если только они финского происхождения. В самом деле, как некоторые остатки их языка, так и самые черты лица их совершенно отличны от языка и физиономии финских племен, живущих севернее. Если они имеют что-нибудь общее с чувашами, черемисами, вотяками, так это неопрятность, следствием которой у них бывает слепота. Во всякой мордовской деревне можно встретить множество взрослых, а еще более детей с больными глазами; оспа также еще свирепствует между ними. Впрочем, они почти все живут в русских белых избах, а не в дымных, тесных чувашских лачугах. Главное занятие после земледелия составляет у них пчеловодство. Одежда их состоит из длинной белой холщовой рубахи, вышитой по плечам черными и красными нитками; женщины носят коротенькое платье, называемое «понька»³⁶, а на голове особенный убор с опускающимся назад покрывалом, вышитым тоже

³⁵ В царствование царя Василия Иоанновича Шуйского мордва была страшна своими бунтами. Воевода Пушкин смирил ее.

³⁶ Соседние русские женщины носят эти же поньки.

черными и красными нитками, а у богатых и шелком. Мордва вся почти приняла христианство еще в царствование Елизаветы Петровны: недалеко от села Вечкушева (Арзамасского уезда) и теперь еще есть большая ложбина; тут было прежде озеро, и в этом озере крестилась здешняя мордва. Теперь все мордвины очень привержены к церкви, хотя и удержали еще некоторые языческие обряды, например жертвоприношение вола, поставление в лесу разной пищи и пр. Центром нижегородской мордвы считается село Терюшино: это как бы столица племени эрзи, так же точно, как Краснослободск (город в Пензенской губернии) – столица племени мокши, Чуксар (Чебоксары, город Казанской губернии) – столица чуваш и пр.

Солнце уже не пекло, склоняясь к западу; пыль улеглась, и наше путешествие сделалось сноснее. Свет вечеряющего дня, пробиваясь через густые массы какого-то тумана, обыкновенного во время жаров³⁷, полосами летал по отдыхающей от зноя земле. На востоке из-за горизонта уже выглядывала ночь. Она, казалось, робко выжидала заката солнечного, чтобы накинуть на утомленную землю свое прохладное покрывало. Солнце еще бросало порою огневые свои взоры сквозь марево, но, вероятно утомленное столько же, как и мы, долгою дорогою, тотчас же пряталось в багровые струи тумана... Туман вверху развивался на мелкие фиолетовые облака, а внизу багровел более и более; но вот еще огневою звездочкою солнце сверкнуло на самом краю неба; туман подхватил эту звездочку, завернул ее в свои изгибы и разлетелся на тысячи желтоватых облаков, которые медленно понесли разгуливать по небу. Ночь вступила в права свои. Она обхватила землю своими прохладными объятиями, нежила ее; и земля, как модная жена, за отсутствием солнца, своего законного супруга, бросилась к ней, пила с жадностью ее упоительные поцелуи, дремала в томной неге и совсем не обращала внимания на неуклюжий месяц, который, лениво всплывая на горизонте, словно Аргус, хотел подсматривать поведение своей невестки. Резвые звездочки порой вспыхивали на горизонте, но тотчас стыдливо прятались в эфир, потом, осмотревшись, заискрились радужно на темном своде неба. Ветерок засвежел, прохлада благодатная разлилась повсюду. Все отдыхало...

«Погода будет!» – сказал ямщик, насмотревшийся на прелести природы. На этот раз на козлах у нас сидел не мордвин, а говорливый, удалый русский мужичок, воспевавший половину дороги калинушку с малинушкой. «Погода будет. Вон даве на закате таково красно было на небе: это к ветру и погоде». Насчет погоды я всегда поверю русскому мужичку больше, нежели английскому барометру. Бывалый наш крестьянин, если уже скажет «будет ведро», непременно будет; если накличет ненастье, оно как снег на голову. Никогда не забуду я одного обстоятельства; оно случилось года три-четыре тому назад, тоже в Нижегородской губернии. Была страшная засуха, хлеб почти весь завял, и мужички горько вздыхали, ожидая снова неурожая. В одном селе – я сам был этому свидетель – прихожане миром просили своего священника выйти с крестами на поле и отслужить молебен о дожде. В воскресенье, после обедни, подняли образа и отправились на поле. Небо было чисто, солнце с полудня жгло изо всех сил засохшую землю; на горизонте ни одного облачка. Когда все остановились, чтобы начать молебен, один старик подошел к священнику и с полной самоуверенностью сказал ему: «Служи-ка, батюшка, благодарственный: к ночи-то Господь пошлет дождичка неотменно. Вишь как потянуло с гнилого-то угла³⁸, да и марево-то вечер было такое, что и не приведи Бог». В самом деле, едва пришли с образами назад в церковь и успели пообедать, на юге показались облачка; к вечеру они скопились, и к ночи дождь оживил умиравшую природу.

В ожидании дождей и грязи мы приехали в Ардатов, уездный город Нижегородской губернии³⁹. С трудом могли мы отыскать квартиру, которая вполне соответствовала этому

³⁷ Здесь называют этот туман «marevo».

³⁸ Гнилым углом простолодины зовут юго-западную сторону неба.

³⁹ Статистика города Ардатова. Расстояние: от Санкт-Петербурга – 1157 верст, от Москвы – 460, от Нижнего – 160, от Арзамаса – 56 верст. Занимает пространства 2000 десятин. В том числе: под домами – 46 десятин 828 сажень, под садами и огородами – 97 десятин 445 сажень, под городским выгоном – 1856 десятин 1756 сажень. Церквей каменных – 3 (соборная,

незатейливому городку. Я давно имел предубеждение против Ардатова; но когда утром, при пасмурной, плаксивой погоде, я посмотрел на него, то мне показалось, что я еще слишком много хорошего думал прежде найти в нем. Расположенный по косоугору у двух ручьев Лемети и Сиязьмы, он походит более на село, нежели на город. Три церкви, семь каменных домов, тротуарные столбики да две-три будки с заржавевшими алебардами у дверей напоминали, что это не простая деревня. Грязь, дома, крытые соломой, заросшие травой улицы и площадки, огромные лужи, в которых стаями полоскались утки, как грозные оппоненты силились доказать всю негодность этого города, и, признаюсь, доказательства этих господ имели свои причины и были сильны. Словом сказать, Ардатов – город, каких на матушке Святой Руси довольно количество, особливо там, в Украине, да там, около Урала и Камы. Впрочем, в Ардатове бывает всегда весело, особенно зимою, когда сюда съезжаются несколько окружающих помещиков, после долговременных разъездов из деревни в деревню по гостям. Эти разъезды, можно сказать, единственны в своем роде: помещик, соскучившись жить дома, приказывает запрягать два-три рыдвана и со всеми своими чадами и домочадцами, людьми и лошадьми отправляется к соседу. Там пирует день, два, а еще совесть не зазрит, то и неделю. Отпировавши здесь, едет к другому соседу, живущему от его деревни, примерно сказать, верст пятьдесят, потом едет далее и далее и, когда перебивает везде, возвращается домой. Не отплатить подобного визита считается величайшим преступлением: хоть болен, да поезжай, так уж заведено. Впрочем, говорят, теперь такие разъезды не так часты, как бывали прежде; помещики засели дома и, слава Богу, забывают и про псовую охоту. Притом, надобно сказать, жизнь их не так грязна, как описывают нам ее сочинители неких повествований: во всяком доме помещика, если он семейный, вы найдете, кроме «Земледельческого журнала», никогда не разрезаемого, много истерзанных руками читателей хороших книг, которые покупаются не у вязниковских коробошников, а в Нижнем и Москве. Иногда даже встретите вы там усердных почитательниц Гюго и Бальзака, увидите обморок при чтении французского романа, услышите строгие приговоры непонимаемому классицизму и проч., и проч. Да, всюду уже проникла европейская образованность, и в Ардатове толкуют о чугунных дорогах, лечат гомеопатией, мечтают о выигрыше в польскую лотерею, жгут каллетовские свечи и чуть ли уже не сведали о дагеротипе. Французский язык во всеобщем употреблении между помещиками. Правда, вы услышите часто фразу вроде следующей: *je toujourns m'assieds en maison, mais me etait gaiment*, увидите в таком языке серую смесь французского с нижегородским; но как быть – вспомните, что здесь и губерния-то нижегородская.

Местное предание вот что рассказывает о начале Ардатова. Когда царь Иоанн Васильевич Грозный в 1552 году шел на Казань через эти места, тогда мордвины, жившие на Лемети, вызвались быть его проводниками. Три брата, Ардатка, Кужендей и Торша, провели войско русское через знакомые им леса и после, с милостью царскою, возвратились на Леметь. Ардатка поселился на месте Ардатова, а братья его на месте села Кужендеева (верстах в четырех от города). Мордва охотно селилась вместе с проводниками царскими, и вскоре на этом месте явилась деревня, сделавшаяся впоследствии дворцовым селом, а с 1779 года городом Нижегородского наместничества.

Из Ардатова, через деревню Миякуши, принадлежащую г-ну М...у, мы своротили на московскую дорогу и приехали в деревню Липню... Липня может похвалиться красотой сво-

Ильинская и кладбищенская); домов – 309, в том числе каменных – 7, деревянных – 302. Казенных домов – 4. Жителей: мужского пола – 1094, женского – 1350, всего – 2444. В том числе: дворян – 69, духовенства – 57, разночинцев – 165, купцов – 41, мещан – 1575, дворовых людей и крестьян – 154, военных служителей – 281. Градская больница на 10 кроватей; уездное училище – одно, преобразованное в 1816 году из приходского Знаменского, а в 1834, по уставу 1828 года; в нем учащихся – 5, учащихся – 40. Тюремный замок – 1. Лавок – 14, торгующих – всего 19 человек; капиталов купеческих третьей гильдии – 6. Внутренний оборот торговли по городу – до 12 000 руб. Торговых дней в неделю – 1; сверх того, 20 июля бывает так называемая Ильинская ярмарка, на которую товара привозится на 20 000 руб. Кожевенных заводов – 2, спилен – 6. Главное занятие жителей – земледелие.

его местоположения. Она расположена на возвышенности, саженях в восьмидесяти от Тёши, которая живописно извивается между кустарниками. За Тёшею лес, а далее, вправо, виднеются церкви Арзамаса, впрочем, не для близоруких. Мы пробыли несколько времени у здешней помещицы, г-жи Ж..., почтенной старушки времен екатерининских. В ее доме, кроме прекрасного обеда, хорошего сада и нескольких соседних оригиналов, мы нашли очень богатую библиотеку. Все, что было писано на французском языке в прошлом столетии, особливо по части истории и естественных наук, все собрано в этой библиотеке. Есть несколько редких и дорогих изданий; особенно обращает на себя внимание полный экземпляр *Histoire Universelle*, перевод с известного английского сочинения в 125 томах. Это издание – редкость в частной библиотеке. Кроме французских книг, есть много русских, и между ними довольно библиографических редкостей. Жаль, что, кроме пыли, никто не касается до этих книг. Они принадлежали прежде старому здешнему помещику, бывшему во время оно русским литератором и даже журналистом. В Липне литераторы не переводятся: с удовольствием мы узнали, что к семейству г-жи Ж... принадлежит наша лучшая рассказчица. Ее в это время не было в деревне; сказывали, что она за границей с кн. Г...й.

Дорога к Арзамасу вообще скучна, хотя изредка и попадаются приятные для глаз сельские виды. Верст за восемь Арзамас весь открывается прекрасной панорамой. Довольно значительная возвышенность, полукругом огибающая Тёшу, покрыта красивыми каменными домами, из-за которых смотрят колокольни, одна другой выше, одна другой великолепнее; в середине величественный собор, с прекрасною колоннадою и огромным куполом, поражает всякого своею колоссальностью; левее видны церкви Алексеевской общины; еще далее роща и монастырь Святогорский. В России немного и губернских городов, которые бы при таком счастливом местоположении были так красивы, как Арзамас. Версты за четыре от города большая дорога превращается в прекрасную аллею из густых акаций, которые, переплетаясь между собою, тянутся по сторонам зелеными стенами. По обе стороны от этих акаций находится сад гг. Салтыковых, прежде хорошо обработанный, а теперь совершенно заброшенный и заросший травой. Множество разбитых статуй и остатки огромного театра свидетельствуют о былом его великолепии. Говорят, что прежний помещик, живя в Арзамасе, любил повеселиться и потешить своих знакомых; для этого-то он и развел этот сад. А теперь – теперь там, где некогда пировали старожилы арзамасские, пасутся потомки их гусей, и на тех стенах, в которых некогда жила Мельпомена с сестрицами, развешивается крашенина⁴⁰. *Sic transit gloria mundi!* Этот арзамасский Карфаген принадлежит к селу Выездному, которое можно назвать предместьем Арзамаса. Выездное выстроено правильно; улицы в нем широки, и главная даже вымощена камнем. Множество каменных домов, кожевенных заводов и красилен свидетельствуют о богатстве жителей этого села.

В нем две церкви, из которых одна очень великолепна. Внутреннее украшение ее вполне соответствует наружному великолепию. Особенно красив купол этой церкви, легко и смело раскинутый рукою художника; образцом для него служил, кажется, купол Софийской мечети в Константинополе. Поля, прилегающие к Арзамасу и Выездному, засеяны по большей части луком, который в большом количестве отправляют в Нижний и другие ближние города. Такая торговля была причиною того, что арзамасцев соседи их зовут луковниками. Близ Выездного есть слобода Пушкарки; предание говорит, что она населена была пушкарями, сосланными сюда после стрелецкого бунта.

Выездное соединяется с городом посредством моста, устроенного на сваях через Тёшу и продолжающегося более полуверсты по низкому месту, которое весною затопляется водою. Тёша у города очень глубока, пониже она мелка до того, что ее можно перейти вброд. Это обстоятельство влечет за собою то неудобство, что Арзамас, этот богатый и промышленный

⁴⁰ Холст, окрашенный синею краскою.

город, не может иметь с другими городами постоянного водяного сообщения. Он поддерживается единственно неутомимой деятельностью его жителей и счастливым положением у соединения дорог: одной из Нижнего в южные губернии и другой из Москвы в Симбирск и далее. Город вообще очень хорошо устроен: улицы вымощены камнем; фонари, стоящие на этих улицах, по ночам зажигаются, а не стоят только для вида, как в иных, даже губернских городах; тротуары также не представляют из себя капканов для ног несчастных пешеходов. Мостовая несколько беспокойна, но все лучше никакой. Видно, арзамасцы смотрят на удобства города не так, как в других местах, не так, как в одном городе, где мне тоже случилось быть. Вот как там рассуждали о мостовых: в одном доме, где собиралась вся городская аристократия, толковали об асфальтовых мостовых, о которых только что пришло известие в этот немощный город. Пошли толки, суждения – конца им не видно было. Наконец начали применять это к своему городу; поэтому все общество разделилось на партии: скупых и роскошных; но эти партии, не прошло и пяти минут, как согласились между собою в главном пункте. «Для чего нам эти пустые нововведения? – говорили скупые. – Деньги только изводить понапрасну; пусть Петербург да Лондон щеголяют своими торцовыми и асфальтовыми мостовыми – нам это совершенно не нужно». «Для чего эти пустые нововведения? – отвечали им люди, которые слыли роскошными и мотами. – Неужели каждый из нас пожалеет лишних десять рублей на колоши вместо того, чтобы заводить такие нелепости? Асфальтовая мостовая! Да, Боже сохрани, пожар – а у нас всего две трубы, а лошадей на пожарном дворе столько, что когда они привезли на пожар трубы, их же посылают за бочками». Нет, в Арзамасе совсем не то, чистота и порядок видны в нем на каждом месте, исключая, впрочем, главной площади, где грязь бывает препорядочная.

Торговая деятельность в Арзамасе обширна: каждый день отправляются из него транспорты в разные места.

Первое, что обращает на себя внимание всякого приезжего в Арзамас, – это собор, которому подобного я не видал ни в одном губернском городе, тем более в уездном. Он выстроен на главной площади здешним купечеством в воспоминание 1812 года. По двенадцати колонн поддерживают каждый из четырех фронтонов; пять куполов возвышаются над этими фронтонами; средний из них очень обширен. Внутри собор еще не окончен работою, средний алтарь еще не освящен. Стенная и иконостасная живопись очень хороша – это работа Ступинской школы живописи. Стенная живопись исполнена не красками, а тушью, что придает картинам вид литографированных. Собор выстроен по плану архитектора Варенцова, под надзором академика Коринфского⁴¹

⁴¹ Ныне архитектор при Казанском университете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.